

С ЛЁГКИМ ВПАРОМ!

В феврале 2004 года я в очередной раз продал издательству «Эксмо» права на свой перевод романа Тома Шарпа “Wilt on High,” впервые опубликованный издательством «Новости» в 1991 году.

Недавно на полке книжного магазина я обнаружил изданный согласно этому договору перевод. И страшно расстроился.

Дело даже не в том, что издательство, не посоветовавшись с переводчиком, поменяло заглавие и книга, уже не раз выходившая под названием «Звёздный час Уилта», теперь именуется «Уилт на высоте». «Эксмо» этим славится. Выпустили же там книгу Власа Дорошевича «Сахалин» (впервые опубликована в 1903 г.) под заглавием «Гулаг царской России», а роман А. Вельтмана «Чудодей» (1856 г.) – под заглавием «Баловень судьбы». После этого конфуз, приключившийся с моим переводом, мог бы стать скорее поводом для гордости: если уж своеобразному вкусу эксмовцев не потрафили названия, которые дали своим книгам «король русского фельетона» Дорошевич и писатель, талант которого оценил А.С. Пушкин, не соответствовать *такому* вкусу даже лестно. (Злые языки утверждают, что «Эксмо» готовит новое издание романа Ф.М.Достоевского «Подросток» под названием «Тинейджер»).

Огорчало другое. на последней странице обложки значилось, что роман публикуется «в новой редакции». В книге указана и фамилия «нового редактора» – М.Немцов.

Вот так так! Книга, выходившая с 1991 года – причём последние три года в этом самом издательстве «Эксмо» – неожиданно потребовала редакции! Что же я такое напортачил, что понадобилось основательно пересмотреть первоначальный вариант? И почему издательство «Эксмо» выставило меня и себя на позор, три года подряд то в одном, то в другом виде выпуская никудышный перевод? И куда смотрели редакторы предыдущих эксмовских изданий этой книги? И почему, *в нарушение Законодательства об авторском праве РФ* (статья 15, «Личные неимущественные права»), издательство не согласовало с переводчиком вносимые в текст изменения?

Характер изменений выясняется с первой же страницы. В моём переводе описанная там сцена выглядела так:

Пятый год на заседаниях комиссии повторялась одна и та же история. Доктор Мэйфилд вставал и объявлял:

– Мы должны приложить все силы, чтобы дела Фенландского колледжа гуманитарных и технических наук пошли в гору!

– Откуда тут взяться горе? Взгляните на карту: в округе ни одной возвышенности, – возразил доктор Борд. Чтобы совсем не сбиться с панталыку, он предпочитал понимать всё буквально. – Колледж был открыт в 1895 году, и с тех пор...

– Вы прекрасно меня поняли, – отрезал доктор Мэйфилд. – Главная беда в том, что колледж дошёл до ручки.

– До чьей? – полюбопытствовал доктор Борд.

Доктор Мэйфилд повернулся к ректору.

– Я хочу сказать... – начал он, но неуёмный доктор Борд продолжил его мысль:

– Что колледж смахивает не то на шишку на ровном месте, не то на подхалима, который всем подряд лбызает ручки. А может, и на то, и на другое.

То же самое в «новой редакции» издательства «Эксмо»:

Пятый год на заседаниях комиссии повторялась одна и та же история. Доктор Мэйфилд вставал и объявлял:

– Нам следует нанести Фенлендский колледж искусств и технологии на карту!

– Я бы решил, что он там уже есть, – возразил доктор Борд. Чтобы совсем не сбиться с панталыку, он предпочитал понимать всё буквально. – Насколько мне известно, колледж на ней с 1895 года, когда...

– Вы прекрасно меня поняли, – отрезал доктор Мэйфилд. – Главная беда в том, что колледж достиг рубежа невозвращения.

– Откуда? – любопытствовал доктор Борд.

Доктор Мэйфилд повернулся к ректору.

– Я имею в виду, что... – начал он, но доктор Борд продолжил его мысль:

– ...Что мы либо самолёт, зависший в воздухе на полпути, либо точка на карте. А может, и то и другое.

Читатели, знающие английский язык, конечно, догадаются, что в оригинале обыгрывались фразеологизмы “to put smth. on the map” (способствовать известности кого-л., прославить, сделать кого-л. или что-л. знаменитым) и “a point of no return” (момент, с которого возвращение назад невозможно, все пути отрезаны, возврата нет). И переводить их буквально – всё равно что передавать на английском восклицание «Ёлки-палки!» как “Fir-trees and sticks!”

В этом отрывке проявляются и другие особенности почерка «нового редактора»: беззаветный буквализм в передаче формул английского диалога («Я бы решил» – очевидная калька с английского “I would think”), слабое знание английской лексики («искусства», упоминаемые в названии колледжа – это, разумеется, “arts”, т.е. гуманитарные науки), странные представления о сочетаемости в русском языке («колледж технологии»).

Скоро «новому редактору» надоедает упражняться в буквальном переводе фразеологизмов (последнее упражнение в таком роде – “Thank God for small mercies,” переданное как: «Хвала Господу за малые милости»; в моём переводе было: «– Какое счастье, – буркнул ректор»), и он принимается править другие огрехи. Чем дальше, тем меньше таких огрехов он находит: попадают даже куски, где я, по его мнению, несколько страниц подряд веду себя паинькой, но затем, спохватившись, он всё же исправляет «потому что» на «ибо» или «– Скопытился!» на «– Бля, скопытился!»

С целью самообразования постараюсь взглянуть на свой перевод глазами «нового редактора» и разобраться, для чего же всё-таки понадобилась эта переработка.

Во-первых, как переводчик, я обладаю непростительным, на взгляд издательства «Эксмо», недостатком: избегаю в переводе матерщины. И редактор прилагает все силы, чтобы книга из-за этого не потеряла художественной ценности. Если я перевожу, что кто-то кого-то «послал», то «новый редактор», не полагаясь на догадливость читателей, точно обозначает, куда был послан герой. Если в моём переводе кто-то о ком-то отзывается: «У-у, боров!», то редактор спешит уточнить, что это не «боров», а «ёбаный хряк». (Любопытно, что в целом пренебрегающие буквой «ё» редакторы и корректоры «Эксмо» в этом слове всё время любовно её сохраняют). Получается очень натурально, прямо как в жизни. Правда, когда ректор колледжа (в новой редакции) восклицает: «Блядь!», а вслед за тем произносит: «Вы намеренно подвели его к мысли, что этот колледж предан отнюдь не непрерывному образованию», выходит не очень-то «как в жизни», но, видимо, редактор рас-

судил, что сочетание «блядь» и «отнюдь» в речи одного персонажа – это такая особенность авторского стиля Тома Шарпа.

Надо бы сказать что-то в своё оправдание, но, ей-богу, не хочется ввязываться в бесконечный спор вокруг ставшего отчего-то крайне актуальным вопроса, как передавать в переводе английские бранные слова. По моим наблюдениям, больше всего эта тема волнует начинающих переводчиков – как будто всё остальное в своём ремесле они уже освоили в совершенстве. Есть тут что-то от воспалённого подросткового любопытства к половой сфере.

Но раз моё нежелание бездумно заменять английские “four-letter words” их русскими словарными соответствиями расценено как признак непрофессионализма, сказать пару слов всё же придётся. Не буду вдаваться в тонкости теории перевода, а вместо этого нарисую картину, которая будет понятна «новому редактору».

Предположим, что в некоем воображаемом издательстве «Эхмо» крепкие выражения в таком почёте, что даже презентации детских книг не обходятся без цитат из «Большого загиба» Петра Великого, а уж о повседневном обиходе и говорить нечего. А в другом воображаемом издательстве, «Ухмо», такими выражениями щеголяют разве что два-три охранника, чем они и выделяются среди остальных сотрудников, редко прибегающих к скоромному лексикону. Понятно, что рядовой эхмовец, обычно говорящий с коллегами на принятом у них языке, в среде ухмовцев будет выглядеть страшным сквернословом – совсем не так, как в стенах родного издательства.

Теперь замените слово «издательство» словом «национальная литературная традиция», – и станет понятно, чем я руководствовался при переводе романа Шарпа.

Другой недостаток, который, судя по правке, находит в моём переводе «новый редактор», – чрезмерная простота слога, неумение «блеснуть очаровательнее». Поэтому вместо: «Они (соседи) сменяют гнев на милость» в «новой редакции» Уилт произносит: «Мой имидж улучшится», вместо: «Он рассказывает эту историю по-другому» – «У него другая версия». Фраза: «Персиваль лежит и не шевелится» становится: «Персиваль впала в транс и ничего не сделала» (так выражается маленькая девочка), а «Уилт не унимался» – «Уилт снова начал брать инициативу в свои руки».

«Имидж», «транс», «инициатива», конечно, куда цветастее обычных русских слов нейтрального стиля, и «новый редактор» *гламуризирует* мой перевод почём зря.

БЫЛО:

СТАЛО:

Что вы скажете относительно политических пристрастий ваших преподавателей?

Как вы прокомментируете политические воззрения ваших преподавателей?

Было ясно, что на судьбу человечества Уилтам наплевать.

В этих Уилтах всё-таки есть что-то жутко асоциальное.

Полиция не на шутку заинтересовалась порядком жизни в семействе Уилтов.

Хронометраж распорядка жизни в семействе Уилтов начался всерьёз.

Неизвестно, чем кончился бы разнос, если бы начальнику не сообщили о новой беде.

Дальнейшая дискуссия была прервана известием о новом кризисе.

Какое счастье, что издательство «Эксмо» пока не доверяло «новому редактору» поработать с переводами из Шекспира! Если бы он с теми же представлениями об английском языке и норме перевода, обнаружил в «Генрихе VI» строки: «Войди в его покой,

взгляни на тело/ И рассуди, что вызвало кончину» (пер. Е.Н. Бируковой), то, сверившись и с оригиналом и обнаружив там слово *comment* (“Enter his chamber, view his breathless corpse,/ And *comment* then upon his sudden death”), непременно поправил бы: «И смерть его затем *прокомментируй*». Да и Марку Твену бы от него не поздоровилось: в «Приключениях Гекльберри Финна» есть строки: “We had the sky, up there, all speckled with stars, and we used to lay on our backs and look up at them, and *discuss* about whether they was made, or only just happened” – в переводе Н.Дарузес: «Бывало, всё небо над головой усеяно звёздами, и мы лежим на спине, глядим на них и *спорим*: что они – сотворены или сами собой народились?» Если следовать принципам «нового редактора», то Геку с Джимом в переводе положено не «спорить», а «дискутировать».

Кстати, перевод Н. Дарузес я цитирую по изданию «Эксмо». Надо думать, у издательства до него ещё руки не дошли. Иначе «новые редакторы» поправили бы в нём и предложение: «На другой день Джим рассказывал, будто ведьмы околдовали его, *усыпили* и катались на нём по всему штату» (“Afterwards Jim said the witches bewitched him and put him in a *trance*, and rode him all over the State”). Вероятно, в следующем издании читатель обнаружит вместо «усыпили» – «привели в транс».

Отмечая для себя эту правку, я не мог отделаться от туманного воспоминания о чьих-то сходных стилистических предпочтениях. Туман рассеялся, когда я увидел, что в «новой редакции» фраза: «Мистер Скадд снова вытер лоб платком» превратилась в: «Мистер Шквал опять прибег к помощи платка». Ну конечно! Н.В. Гоголь, «Мёртвые души»:

Дамы города N отличались, подобно многим дамам петербургским, необыкновенною осторожностью и приличием в словах и выражениях. Никогда не говорили они: «я высморкалась, я вспотела, я плюнула», а говорили: «я облегчила себе нос, я обошлась посредством платка»... Чтобы ещё более облагородить русский язык, половина почти слов была выброшена вовсе из разговора, и потому весьма часто было нужно прибегать к французскому языку.

В самом деле: кто, как не Дама, приятная во всех отношениях, заменит фразу: «С какой стати мистер Раскер *войдёт в женский туалет?*» на: «Но мистер Раскер не станет *пользоваться женским туалетом?*»

В предпочтении, которое «новый редактор» отдаёт «имиджам», «инициативам» и «дискуссиям» с «кризисами», проявляется отличие «новых редакторов» от «старых». Одна представительница «старой школы», Н.Я. Галь, написала книгу «Слово живое и мёртвое. Из опыта переводчика и редактора», прекрасно известную профессиональным переводчикам (за «новых редакторов» не поручусь). Там подробно разбирается вопрос о стилистике подобных заимствований и даются советы как раз противоположного свойства:

Переводчику непозволительно забывать простую истину: слова, которые в европейских языках существуют в житейском, повседневном обиходе, у нас получают иную, официальную окраску, звучат «иностранно», «переводно», неестественно.

«Он был упрям, но тут он нарвался на другого упряма. На этот раз *инициатива* оказалась в руках собеседника». Да, *initiative* в подлиннике есть. Но не лучше ли, не вернее ли даже в современном романе о хитросплетениях парламентской политики сказать хотя бы: Конечно, он был упрям, но тут нашла коса на камень. *Хозяином положения* оказался собеседник.

«Командирам предоставили полную *инициативу*» – а лучше бы: командиры могли *действовать самостоятельно*.

«Она не поблагодарила меня за советы, никак не *прокомментировала* их» – в подлиннике *comment*, но естественнее хотя бы: никак на них не *отозвалась* (*ни слова ни ответила*).

«Не буду вступать с тобой в *дискуссию*» – в обычном житейском разговоре простые бесхитростные люди, не книжники и не чиновники, уж наверно скажут: *не стану спорить* (а может, смотря по настроению, *вязаться в спор*).

Если о герое сказано, что *once more he was optimistic*, перевести надо не «он вдруг загорелся *оптимизмом*, а хотя бы – он снова *воспрянул духом*».

У «нового редактора» иные принципы: наткнувшись в моём переводе на фразу: «Недолго Уилт купался в лучах надежды», он заменяет: «Оптимизм Уилта был преждевременным».

Нет, положительно «новый редактор» был знаком с книгой Н.Я. Галь: слишком уж последовательно он отмечает все её рекомендации.

Но чьё мнение весомее: переводчицы, чьи работы уже признаны классическими, или разудалого «гламуризатора», о грамотности которого можно судить по оборотам вроде: «*Меня* вдруг как приспичит» и «Не успела мисс Хэйр снова *напрыгнуть* на него...»? Для меня авторитетнее первое. Для издательства «Эксмо» – второе. Похоже, слухи насчёт «Тинейджера» не лишены оснований.

После вмешательства «нового редактора» изменился весь стилистический облик романа. Два направления редакторской правки – «гламуризация» и опохабление – создали совершенно новую, препикантнейшую стилистическую модель. Представьте себе провинциальную жеманницу с оттопыренным мизинчиком («имидж... пользоваться туалетом... прибегать к помощи платка...») – и вдруг это эфирное создание прокуренным басом рвякает: «Хуё-моё!... Барбара, блин, Картленд!» (цитаты из «новой редакции»).

И не надо объяснять мне, что речь автора одно, а речь персонажей – другое: выше я показал, что «блядь» запросто соседствует с «отнюдь» и в речи одного и того же героя.

Кому как, а мне в этой картине чудится душок стилистической неменяемости, которым отдают халтурные кинопереводы, и если выяснится, что «новый редактор» подвизался и на этом поприще, ничуть не удивлюсь. По крайней мере, перекраивая предложенные в моём переводе реплики диалога, он действует именно как кинопереводчик-халтурщик.

БЫЛО:

- Скверные новости.
- Увы.
- Надеюсь, эта девушка не из числа преподавателей колледжа?
- Будьте любезны, объясните мне, какие книги вы имеете в виду.
- Извращенец поганый!
- Ой, папочка, что у тебя с лицом?

СТАЛО:

- Боюсь, у меня для вас скверные новости.
- Боюсь, что это не так.
- Говоря «девушка», я полагаю, вы не имеете в виду преподавательский состав?
- Будьте любезны, разверните своё утверждение.
- Маленький извращенец!
- У-у, папочка, что ты сделал со своим лицом?

(Если уподобить эти колонки фотографиям «до» и «после», которые так любят рекламщики, нетрудно увидеть, что происходит с персонажами переводных произведе-

ний, когда перевод попадает в издательство «Эксмо». Кому приглянулся вариант «после» – «звоните прямо сейчас»).

А уж когда в разговоре героя с полицейским мелькнуло обращение «офицер» (которое в свой перевод я, конечно, не допустил), подозрения о кинопереводческом прошлом «нового редактора» сменились уверенностью.

Впрочем, надо отдать «новому редактору» должное: кое-какие его исправления пошли бы на пользу переводу. Так, он совершенно справедливо поправил мою сноску, где я ошибочно объяснил прозвище «Бёрк», которое Уилт даёт преподавательнице физкультуры, как намёк на Джейн Бёрк («Лиходейку Джейн»). Были восстановлены некоторые выпавшие по моему недосмотру предложения. Если бы редактура свелась лишь к этому, я был бы только благодарен. Но такая правка не давала бы оснований объявлять о «новой редакции». Так в чём же дело? Зачем издательству «Эксмо» позарез понадобилась новая редакция перевода?

Мне отлично известно, почему понадобился новый перевод второго романа уилтовской серии, также только что переизданного «Эксмо», – “The Wilt Alternative” (в прежнем переводе – «Уилт непредсказуемый», в новом – «Альтернатива Уилта»). «Уилт непредсказуемый» был переведён двумя моими коллегами, и «Эксмо» собиралось купить у них права. Но когда один из них пришёл в издательство заключать договор, он нарвался на такое откровенное хамство очередной «новой редакторши», что ушёл, хлопнув дверью. Издательству пришлось заказывать новый перевод. Этот перевод вполне соответствует общему уровню подобной продукции издательства «Эксмо». (Меня особенно восхитила фраза: «Что вы знаете о мужеложестве с крокодилами?» Вот уж поистине переводческая находка!).

Этот поворот событий спас моих коллег от позора: «мужеложество с крокодилами» и тому подобные перлы и алмазы опубликованы всё-таки не под их фамилиями. «Звёздный час Уилта»... пардон, «Уилт на высоте» вышел под моей (неужели трудно было посмотреть, что такое “on high” в англо-английском словаре?!)

Мне видится только одно объяснение этой истории.

Как я уже говорил, «Эксмо» владеет правами на перевод романов об Уилте четвёртый год. За это время они выходили множество раз – то в мягкой обложке, то в твердом переплёте, то все три под одной обложкой (перечислить все варианты не берусь: сам не уследил, а скверной привычки предоставлять переводчикам авторские экземпляры издательство «Эксмо» не имеет, разве что уж очень попросишь. Я предпочитал не унижаться).

Беспорочно подаваемое к столу блюдо приелось. Но прижимистая хозяйка, чем раскошелиться на что-нибудь свеженькое, решает подогреть старое, добавить соли и перца, сервировать этак по-новому – и опять на стол. Авось не разберут, слопают.

Нехитрый приём, за которым кроется стоеросово-торгашеское: «Главное – впарить».

И вот старые переводы выпускаются под новыми заголовками, текст там и сям перелицовывается. Большею частью первые главы – дальше усердствовать ни к чему. Лишь бы читатель (покупатель!) поверил, что перевод действительно новый. А значит лучше прежнего. Ибо какой читатель в здравом уме заподозрит, что издательство в высоком стремлении добыть на грош пятаков способно даже изгадить перевод? Главное – впарить.

Не важно, что нарушается стилистический замысел книги. Не важно, что могут пострадать достоинство и репутация переводчика (в «Эксмо» и не подозревают, что у пере-

водчиков бывает достоинство). Не важно, что образ автора предстаёт перед читателем искажённым. Нежности какие! Главное – впарить.

Не желая участвовать в этих впаривательных поползновениях издательства «Эксмо», сообщаю, что к «новой редакции» романа Тома Шарпа “Wilt on High” означенный в книге переводчик никакого отношения не имеет.

А поклонникам творчества Шарпа, которые поддадутся на торгашескую уловку – пожелание, вынесенное в заголовок этой статьи.

P.S. В декабре 2004 года издательство «Эксмо» получило премию «Российский национальный Олимп», учреждённую Академией наук РФ, правительством РФ, Торгово-промышленной палатой РФ и Российским союзом промышленников и предпринимателей. Издательство удостоилось этой премии «За выдающийся вклад в развитие России».

История с переводами романов Т.Шарпа хорошо показывает, что за зевсы с аполлонами водятся на нынешнем национальном Олимпе. Так что если вам в очередной раз случится увидеть на заборе, мраморной обложке метро или иной плоскости образец трёхбуквенной словесности, не возмущайтесь, а – вслед за Академией наук РФ и прочими почтенными учредителями премии – смотрите на это как на вклад в развитие России. Пусть и не такой выдающийся, как вклад издательства «Эксмо»: тираж маловат.